

УДК 37.014.5(063)

Реформа высшей школы в Польше 1920-2020: надежды, ожидания, риски

Роман Томашевский,
доктор исторических наук, профессор,
Поморская академия, Польша

Система академического образования в Польше после Первой мировой войны не была в полной мере интегрирована, хотя в 1915 — 1918 годы университетские круги Львова, Кракова и Варшавы предпринимали попытки восстановления и объединения. Решающим нововведением стал закон от 13 июля 1920 года «Об академических школах». Любое нововведение, которое внедряется в высшей школе, инициированное властью или академической средой, порождает социальные ожидания. Чаще всего это надежды на лучшее, однако, несут риск регресса.

Можно считать, что под влиянием системных, технологических изменений, а также под влиянием глобализационного импульса в польском обществе произошел «образовательный взрыв» в сфере среднего и высшего образований. Эти новшества происходили одновременно с ускорением интеграционных процессов в Евросоюзе (Польша получила членство в ЕС) на фоне принятия Великой хартии университетов (1988) и Болонской декларации, которая инициировала Болонский процесс (1999). В совокупности это привело к принятию новой реформы высшего образования в 2005 — 2011, 2014 годах. Ее назвали «реформа Кудрицкой». После пяти лет (2016 год) очередную реформу высшего образования инициировал очередной министр

Ярослав Говин. Она рассчитана на период 2016 — 2020 годов. Сам министр назвал ее «Конституция для науки» (*польск.* — KDN). В организационном плане основную разницу в данных реформах можно свести к следующим моментам:

отсутствие консультаций на местах, а также административная имплементация Болонского процесса в польскую систему высшего образования в результате реформы Кудрицкой;

консультации на местах ограничены; эклектические проекты реформы Говина часто ссылаются на исторические примеры времен II Речи Посполитой или берутся из англоязычных примеров высшего образования.

В результате обе реформы были приняты критично в академических кругах, поскольку, учитывая наличие административных инструментов и бюрократического давления возможность внести коррективы в эти реформы ограничена. В 2005 — 2020 годах можно будет говорить о «реформаторской лихорадке» польского высшего образования. Реформа, над которой сегодня ведутся работы (2018 год), касается системы, в которую входят около 300 вузов, из них половина — это частные, их качество очень разное. В этой системе обучаются около 1 320 тысяч студентов и работают около 80 тысяч преподавателей. Реформу внедряют, исходя

из прогнозов уменьшения количества студентов, несмотря на образовательные планы сегодняшних выпускников средних школ, увеличение количества иностранных студентов, а также, невзирая на увеличение количества нестандартных студентов типа «50 плюс». В 2023 году, предположительно, будет 1 250 тысяч студентов. Только в 2025 — 2033 годах количество студентов начнет увеличиваться, и это на фоне идеи об образовании на протяжении всей жизни, об исчезновении «профессии на всю жизнь» и изменений в социальной структуре (процесс старения общества и уменьшение количества поляков до 36 млн в 2033 году).

Наиболее радикальным элементом реформ может оказаться сегрегация вузов на региональные учреждения (так называемые «региональные инициативы идеала») и исследовательские вузы/ учреждения [1]. В обоих случаях предлагается проводить ротацию всех региональных вузов на конкурсной основе каждые четыре года, и каждые шесть лет конкурс для пяти из десяти исследовательских вузов. Выдвигаются строгие требования — региональный вуз должен иметь минимум одну из наивысших научных категорий (A+ или A), исследовательские вузы обязаны иметь только высшую категорию. Низшие категории B+, B, C равно как и отсутствие какой-либо категории означает дисквалификацию. Это самые основные идеи. В целом проект Говина продолжает проект министра Барбары Кудрицкой и так называемую идею идеала. Предполагается, что в Польше останется только 15 — 17 исследовательских университетов. Остальные академические учреждения превратят в высшие профессиональные школы (хотя скорее это можно принять как новую форму послешкольного образования на уровне техников или других младших специалистов). Временные гарантии шести- или четырехлетних дотаций смогут получить исключительно исследовательские университеты (максимально 10 учреждений). В свете строгих требований к

уровню исследований (категория A) количество региональных вузов очень быстро уменьшится. В таком случае около 200 польских государственных или частных вузов должны будут изыскать средства на существование или закрыться.

Уже в процессе имплементации реформы Кудрицкой (2011 — 2014), где одним из постулатов стало ограничение трудоустройства преподавателей (разрешалась только одна ставка), количество частных вузов уменьшилось с 326 в 2010 году до около 150 в 2016 году. Выжившие вузы, возможно, получают больше шансов в конкурентной борьбе с около 100 государственными высшими профессиональными школами. Государственные школы, которые не настолько успешны в самофинансировании и конкуренции на рынке академических услуг, вероятно, не выживут. В результате можно предположить очередное сокращение количества высших школ, как частных, так и государственных¹ [2], что поначалу будет коррелировать с демографическим падением. Однако по большому счету это может натолкнуться на стремление молодежи к образованию. Все эти перемены могут означать, что наступает период бюджетных сокращений или рационализации расходов и структуры высшего образования. Для оценки эффективности реформы Говина необходимо время и наблюдения в 2021 — 2025. Не стоит, однако, забывать, что эти перемены будут проходить в среде, которая совершенно отличается от немецкоязычной образовательной среды (например, от Австрии, ФРГ, Швейцарии) [3]. Там Болонский процесс принимали избирательно, а образовательные устремления — это не только

¹ Идея так называемого «федеративного вуза» не решает вопрос в полной мере, поскольку ни один стабильный вуз не станет связываться с учреждением, которое оказалось в кризисе. Вместо укрепления произойдет ослабление его потенциала. Данное решение также не претендует на новизну, поскольку этот вариант известен со времен II Речи Посполитой (J. Jastrzębski, *Państwowe szkolnictwo akademickie II RP*. Kraków 2013, s. 96; KDN... op. cit., s. 32). Примером федеративного вуза является Поморская Академия в Слупске.

уровень академического образования, как это имеет место быть в Польше на пороге третьей декады XXI столетия. С другой стороны, хорошее ремесленное знание равнозначно академическим знаниям в немецкоязычной культуре, где доминирует пример «швейцарского парадокса»².

Основной риск, которые недооценивают польские реформаторы высшей школы, — это вопрос оплаты за учебу. Польские и немецкие политики, ответственные за образовательные процессы, боятся признаться, что в дальнейшей перспективе система широкодоступного бесплатного образования станет невозможной, как невозможно полностью синхронизировать рынок образовательных услуг и рынок труда. В реформе Говина умалчивается о потенциальной стоимости обучения. Роль внешних участников представлена частично, в форме более 50 % участия в так называемом Совете Вуза, который дублирует Сенат и частично кандидатов-электоров (они имеют право выбирать кандидата в ректоры вуза). Если бы существовала корреляция между участием студента в финансовых вопросах и ролью заинтересованной стороны (например, через социальный или стипендиальный фонды), данное решение было бы оправдано. Однако заинтересованная сторона (например, фирма) сама может оплачивать стоимость обучения избранных студентов. Посредничество властей вуза ей совершенно не нужно. Только в США, Великобритании и ФРГ около 1/3 средств на содержание вузов дают заинтересованные стороны. Однако и стоимость обучения там самая высокая (исключение — ФРГ). Это позволяет соотнести количество студентов и количество преподавателей [4]. Расходы на преподавательский состав доминируют в финансах вуза, но Конституция для науки этот вопрос свела к лозунгам. В реформе не указан, например, способ отчетности для чисто исследовательских

кадров. В польских реалиях невозможно будет перенести всю тяжесть расходов на заинтересованные стороны — и деньги на вуз, и деньги студентов. Тем более, путь к идеалу (что маскирует исключительно элитарность) пройдет через увеличение денег на персонал. Основным капиталом вуза является профессор, которого нельзя трактовать как предпринимателя на дотации. Именно в этом я вижу основные риски реформы, которая внедряется в Польше.

В дальнейшей перспективе сомнения вызывают следующие пункты: темп и количество новшеств, принятых в период 2005 — 2020 годов, а также по крайней мере три различные философии этих новшеств (плюс явный административный характер). Можно ли их назвать реформами? Академические круги сохраняют дистанцию по отношению к предлагаемым изменениям. Это осложняет анализ ожиданий или артикуляцию надежд. Возможно, недостаток данной реформы заключается в отсутствии обратной связи с событиями в среднем образовании. В особенности с тем, что в Польше слишком мало старших классов с элитарными устремлениями. Именно этот фактор сыграл важную роль в реформе Енджеевичей. В реформе Говина совершенно не принимается во внимание, что кандидаты в студенты — это продукт постмодернистического массового образования, откровенно говоря, довольно усредненного. При этом в основной массе современные выпускники средних школ, не имея ни малейшего жизненного опыта, имеют потребительские установки. Удастся ли в этой перспективе реализовать идею идеала?

Литература

1. KDN Konstytucja dla Nauki. Ustawa 2.0. [Constitution for science], Warszawa bdw, pp. 72-72.
2. Jastrzębski J. Państwowe szkolnictwo akademickie II RP [State academic

² Швейцарский парадокс: самый низкий показатель высшего образования наряду с наилучшими социально-экономическими успехами Европе

education of the Second Polish Republic]. Kraków, 2013, p. 96.

3. *Czerpaniak-Walczak M.* Fabryki dyplomów czy universitas? O nadwiślańskiej wersji przemian w edukacji akademickiej [Factories of diplomas or universities?

About the Visla region version of changes in academic education], Kraków 2013, p. 37, 55.

4. *Pachociński R.* Kierunki reform szkolnictwa wyższego na świecie [Directions of higher education reforms in the world], Warszawa 2004, pp. 107-198.

Roman Tomaszewski
Higher education reforms in Poland 1920–2020:
hopes, expectations, risks

Abstract

Between years 2005 and 2018/2020, three changes took place in Polish higher education, two of them had the nature of reform. The earlier system introduced in 1920 was referring to the German model of education. It was later prolonged by reform of minister Janusz Jędrzejewicz in 1933. Administrative or ideological pressure of communism in 1948-1989 left it mostly unchanged. Corrections were only caused by the bureaucratization process that was characteristic for universities across Europe after 1945. Only the awry implementation of the Bologna Process in Poland in 2005 and its subsequent variations in the Kudrycka reform (2011-2014), and partly in the Gowin reform (2016-2020) have become a potential threat in which the risk of compromising the idea of the Magna Charta Universitatum (1988). The “reform fever” of 2005-2020 proves the disregard to the longevity of the universities (1394-2020 or 1920-2020 / 2025) by the administrative center in Warsaw. This affects the distance of academic circles, the reduction of hope for a “good change” and the increased risk of lack of social recognition for the recent reforms of Kudrycka and Gowin.

Key words: reform of the university, long-term perspective, Bologna Process, Gowin reform.

15.02.2018